

Певчие — эпизод 2 из 2

Геннадий чешет себе шею и косится на окно, точно не к нему речь.

После Херувимской поют Верую, потом Достойно и праведно, поют чувствительно, гладенько и так до Отче наш.

А по-моему, отец Кузьма, говорит регент, простое Отче наш лучше нотного. Его бы и спеть при графе.

Нет, нет... Пой нотное. Потому граф в столицах, к обедне ходючи, кроме нотного ничего... Небось, там в капеллах... Там, брат, еще и не такие ноты!.. После Отче наш опять кашель, сморканье и перелистывание нот. Предстоит исполнить самое трудное: концерт. Алексей Алексеич изучает две вещи: Кто бог великий и Всемирную славу. Что лучше выучат, то и будут петь при графе. Во время концерта регент входит в азарт. Выражение доброты то и дело сменяется испугом. Он машет руками, шевелит пальцами, дергает плечами... Форте! бормочет он. Анданте! Разжимайте... разжимайте! Пой, идол! Тенора, не доносите! То-то-ти-то-том... Соль... си... соль, дурья твоя голова! Великий! Басы, ве... ве... лий...

Его смычок гуляет по головам и плечам фальшивящих дискантов и альтов. Левая рука то и дело хватает за уши маленьких певцов. Раз даже, увлекшись, он согнутым большим пальцем бьет под подбородок баса Геннадия. Но певчие не плачут и не сердятся на побои: они сознают всю важность исполняемой задачи.

После концерта проходит минута в молчании. Алексей Алексеич, вспотевший, красный, изнеможенный, садится на подоконник и окидывает присутствующих мутным, отяжелевшим, но победным взглядом. В толпе слушателей он, к великому своему неудовольствию, усматривает диакона Авдиесова. Диакон, высокий, плотный мужчина, с красным рябым лицом и с соломой в волосах, стоит, облокотившись о печь, и презрительно ухмыляется. Ладно, пой! Выводи ноты! бормочет он густым басом. Очень нужно грахву твое пение! Ему хоть по нотам пой, хоть без нот... Потому атеист...

Отец Кузьма испуганно озирается и шевелит пальцами.

Ну, ну... шепчет он. Молчи, диакон. Молю...

После концерта поют Да исполнятся уста наша, и спевка кончается. Певчие расходятся, чтобы сойтись вечером для новой спевки. И так каждый день.

Проходит месяц, другой...

Уже и управляющий получил уведомление о скором приезде графа. Но вот, наконец, с господских окон снимаются запыленные жалюзи и Ефремово слышит звуки разбитого, расстроенного рояля. Отец Кузьма чахнет и сам не

знает, отчего он чахнет: от восторга ли, от испуга ли... Диакон ходит и ухмыляется.

В ближайший субботний вечер отец Кузьма входит в квартиру регента. Лицо его бледно, плечи осунулись, блеск лиловой рясы померк.

Был сейчас у его сиятельства, говорит он, заикаясь, регенту. Образованный господин, с деликатными понятиями... Но, тово... обидно, брат... В каком часу, говорю, ваше сиятельство, прикажете завтра к литургии ударить? А они мне: Когда знаете... Только нельзя ли как-нибудь поскорее, покороче... без певчих. Без певчих! Тово, понимаешь... без певчих...

Алексей Алексеич багровеет. Легче ему еще раз простоять два часа на коленях, чем этакие слова слышать! Всю ночь не спит он. Не так обидно ему, что пропали его труды, как то, что Авдиесов не даст ему теперь прохода своими насмешками. Авдиесов рад его горю. На другой день всю обедню он презрительно косится на клирос, где один, как перст, басит Алексей Алексеич. Проходя с кадилом мимо клироса, он бормочет:

Выводи ноты, выводи! Старайся! Грахв красненькую на хор даст!

После обедни регент, уничтоженный и больной от обиды, идет домой. У ворот догоняет его красный Авдиесов.

Постой, Алеша, говорит диакон. Постой, дура, не сердись! Не ты один, и я, брат, в накладе! Подходит сейчас после обедни к грахву отец Кузьма и спрашивает: А какого вы понятия о голосе диакона, ваше сиятельство? Не правда ли, совершеннейшая октава? А грахв-то, знаешь, что выразил?

Конплимент! Кричать, говорит, всякий может. Не так, говорит, важен в человеке голос, как ум. Питерский дока! Атеист и есть атеист! Пойдем, брат сирота, с обиды тарарахнем точию по единой!

И враги, взявшись под руки, идут в ворота...